

сто этого нужно смотреть вниз. Подразумевается, что этот мемориал, как говорит Пол, представляет собой запоздалый, традиционный и достойный показ и погребение – то, в чем жертвам резни было отказано. Проекты Пола Эппа довольно хорошо сочетаются с историей, которую они призваны увековечивать.

В завершение, позвольте сказать несколько слов о проекте, который мы разрабатываем в настоящее время. Это самый важный и амбициозный проект на сегодняшний день: главный мемориал в память о всех меннонитах советского периода, которые пострадали и которые погибли в результате войны, преследований и террора. У нас уже есть разрешение возвести этот мемориал на Меннонитской площади бывшего села Хортица в обстановке, напоминающей парк под сенью больших акаций в центре первого поселения меннонитов в царской России. Это место просматривается с главной меннонитской церкви Хортицы, а также с административного здания волости, с педагогического училища и школы для девочек. Пол Эпп снова будет работать над проектом этого мемориала.

Надійшла до редколегії 27.09.2007

Энн Конрад

САГА О РОССИЙСКИХ МЕННОНИТАХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЖИЗНИ ОДНОЙ СЕМЬИ: ВЫРАЖАЯСЬ ИХ СЛОВАМИ «МОЛЧАЛИВОЙ КРАСОТЫ»

У статті розповідається про процес написання книги про більш ніж 200-річну історію менонітської сім'ї Конрад на широкому історичному фоні історії всієї менонітської спільноти від часу їх прибуття до Росії в 1789 р. до сьогоднішнього дня.

Как история одной семьи может уместиться в контекст исторических исследований, здесь представленных? Какие вопросы являются предметом более масштабных исследований? Не затрагивают ли они такие проблемы как территориальные и географические изменения; состав населения и его перемены, а также его превалирующая

группа и его меньшинства; передвижения населения; государственная политика касательно вопросов культуры, образования, экономики; отношения между церковью и государством? Я полагаю, что все эти вопросы затрагиваются в истории отдельно взятой семьи. Общественные, социально-экономические, культурные и иные виды изменений переживаются человеком как отдельной личностью, так и как членом семьи или группы. Эти перемены переживаются не посредством лекций, а на личном опыте.

В своей книге я хочу представить пережитый «на своей шкуре» опыт семьи, непрерывно проживавшей в данном регионе, а также в Крыму, в Сибири и других регионах бывшей Российской и затем Советской империях с 1790 по 1930 г. Я отслеживаю историю этой семьи Российских Меннонитов – иммигрантов в течение 60 лет жизни в Канаде.

Похоже, жизненный путь измеряется не годами, а отношениями между людьми; то, как люди реагируют на окружающий их мир, на свои плоды работы, будь они добрыми или злыми, выполненные или незавершенные. Все это измеряется словами. Словами, которыми благословляют или обвиняют, путают или объясняют. Мы описываем семейные истории с целью задокументировать жизненные пути, чтобы пересмотреть их, если необходимо; чтобы вспомнить с теплотой; похвалиться или покритиковать; но при этом всегда чтобы встретиться лицом к лицу с прошлым. И поэтому люди не просто рассказывают о своих семьях, они составляют книги с фотографиями, историями и генеалогией семьи. И именно поэтому те, кто не пишет книги, боится того, что другие люди могут напечатать. Слова дышат, они меняются, но при этом остаются на месте. Напечатанные слова живут своей жизнью.

Летом 1989 г. я впервые встретила со своей двоюродной сестрой, представительницей группы «родственников из России». Мария Браун родилась в тот же снежный январский день в Сибири, как и моя старшая сестра Мери. У них были одинаковые имена, однако Мария, стоявшая у ступенек гостиницы «Интурист» в Караганде, Казахстан, выглядела на двадцать лет старше моей сестры. Она улыбалась, обнажая несколько зубов, покрытых металлической коронкой; на голове шарф, типичный для «бабушек»; и одета в поблекшее платье из ситца, а на ногах – изношенные желтые шлепанцы. Мария была дочерью пропавшего без вести брата моей матери, того, кто мог петь в церкви так, что окна дребезжали. Как так стало, что она выглядела

настолько изнуренной, тогда как моя сестра в Канаде таковой не выглядела?

1989 год был также годом, когда 29 ноября я стала свидетельницей смерти своего 99-летнего отца. Накануне вечером он веселил мою сестру и брата шутками. После того как он перестал дышать, меня изумило то, что шрамы от оспы на его носу – то, что другие дети в моем детстве называли нос как клубника, – так вот эти шрамы постепенно разгладились, и он выглядел намного моложе на фоне шапки своих белых волос. Шрамы от оспы появились в том году, когда он женился – 1920. В это время Гражданская война в России, то что в нашем детстве называлось войной Красных с Белыми, закончилась. Каким образом моему отцу удалось пережить войну и последующие за ней болезни, тогда как его старший брат умер, поверженный эпидемией сыпного тифа, вызванного этой войной?

Смерть меняет жизни живущих дальше. Невозможно забыть ни одной детали того часа, когда человек умирает или же того момента, когда узнаешь о его смерти. Деревянные часы коричневого цвета слишком громко отбивали время, и моя сестра приподнялась и остановила стрелки. Я вспомнила, что мой отец всегда ездил в магазин «Фанкс» и привозил оттуда арбуз каждый раз, когда мы с нашими еще маленькими детьми приезжали из Торонто, чтобы навестить бабушку с дедушкой в городе Эбботсфорд в провинции Британская Колумбия. Вспомнила я и то, что моя мать раскатывала тесто при приготовлении своих особых блюд. Им уже никогда этого не повторить. Как же сберечь о них память?

В 1989 г. я начала писать сагу о своей семье. Я собирала рассказы своих родителей. Я перечитала их письма от родственников и друзей. Я собрала коллекцию их фотографий. Я нашла книги с описанием мест, где они жили до того, как я их сознательно помню. Я хотела поместить их в контекст их семей и того времени, в котором они жили. Отнюдь не будучи отшельниками, они были меннонитами, представителями религиозной, социальной, политической и рабочей группы. Их предки жили в голландских низинах (Нидерландах), потом переехали в Польшу, а затем в имперскую Россию. В Канаде же мои родители выращивали клубнику, имели фермы по разведению кур и молочную ферму, выращивали пшеницу и три раза в неделю ходили на церковные мероприятия. Так как я хотела собрать как можно больше историй и предполагала, что их немало насобиралось за последние 200 лет, я решила начать с тех семей, которые приехали в Россию. Я хотела рассказать истории людей, которых я любила, и сделать и их

миры реальными. Не просто набор дат рождения и смерти, но показать людей молящихся и шутящих. Люди в валенках и люди с помадой на губах. Мы все имеем истоки из тех или иных семей.

Один канадский писатель-романист Тимоти Финдлей однажды написал, что акт воспоминания полезен людям. Он очищает. Помня прошлое, мы осознаем, что смогли выжить за все это время, а раз смогли пережить то, что в нашей памяти, то сможем пережить и настоящее. Таким образом, память – это вид надежды¹.

Я надеялась, что повествование о семье даст возможность последующим поколениям (в первую очередь, естественно нашим детям и внукам) узнать о своем происхождении и найти утешение в том, что они не одиноки в мире, который становится все более безличностным. Я также надеялась, что осознание своей истории и того, что их прадеды или предки претерпевали боли утрат и трагедии, укрепит их понимание политики, несправедливости; что они будут бросать вызов предположениям вины; будут искать правду и знать, что часто правда неопределенна. Я надеялась, они поймут из жизнеописания предков, что прощение – это верный путь. Я надеюсь, что читатели усмотрят за жизнью одной меннонитской семьи такие явления, как сила перемен, возникновение общин и их разрушение, раздробление миров, и что они смогут увидеть себя в описанных персонажах.

По мере увеличения объема материалов для исследования, я решила оставить свою работу учителя старших классов, чтобы сосредоточиться и начать писать (до этого времени я собирала материалы во время летних каникул). Затем после работы над родовыми линиями своей матери и отца, а также некоторыми родственниками, такими как Мария Браун из Караганды, я осознала, что тематический охват слишком велик. Я решила сконцентрироваться на истории своих родителей, в первую очередь, начиная с 1790-х гг., когда их община переселилась в сегодняшнюю Украину и заканчивая изучение Канадой в 1990 г. Когда в 1929 г. мои родители иммигрировали, в Союзе остались трое из братьев моей матери, а также трое из братьев моего отца, плюс двое из его сестер. Из этих шести мужчин, среди которых был отец Марии из Караганды, трое были арестованы и впоследствии исчезли. Их судьба не давала мне покоя. Вторая рукопись будет о поиске историй этих родственников в СССР.

По мере прохождения пути, изучения источников, собеседований с людьми и посещений дальних мест, мне вскоре стало ясно, что этот труд не будет лишь личной историей. Мое повествование было о группе людей, имеющих общее этническое происхождение или рели-

гию и являющейся меньшинством в Российской империи, но сама история выходила за пределы истории меннонитов. Так много других меньшинств пережили вынужденные переселения, революции и катаклизмы 20-го в. Пожалуй, история одной семьи должна как-то отображать универсальные процессы. Во время перемен люди крепко держатся своих семей. Давайте рассмотрим на изменениях в их жизни: семьи в этой книге пережили самые значительные перемены XX в. Они много раз переселялись, иногда ради экономической выгоды, но чаще под давлением. Спасаясь бегством из Нидерландов, они впоследствии прошли путь из кирпичных домов в Польше/Пруссии до землянок в беслесных степях южной России, теперь являющейся уже лесистой Украиной. Они строили крепкие дома и фермы, мельницы и школы. Они переезжали жить в дочерние поселения снова, создавая новые села. Они переселялись на новые граничные земли Башкирской равнины в Приуралье и в западную Сибирь. Они были унесены ветрами Российской Революции, Сталинизма и манией Гитлера в отдаленные районы Канады, в парагвайские леса с колючим кустарником, в Бразилию, в швейцарские Альпы, в Монголию и в пустыни Казахстана. Они попадали в исправительные лагеря ГУЛАГа и в тюрьмах исчезали без вести. Некоторые в настоящее время вполне комфортно живут в Германии.

Мои родители и их предки осваивали степи и леса, однако со временем стали активными участниками модернизации и механизации. В детстве привыкшие к передвижению на лошадях и на повозке, а также штокке шерстяных носок, мои родители впоследствии полетели на самолете в Мексику и покупали вещи, сшитые в Тайване.

Мы никогда не пребывали в самоизоляции до такой степени, как нам приписывали. В моей книге показано, как семьи поколениями женились в рамках меннонитской общины, главным образом, в своем сообществе (эндогамия), но в 1906 г. одна из тетушек вышла замуж за немца из Дрездена. В 1920-х гг. два моих дяди женились на представительницах русских молокан. Мой брат женился на мексиканке. Международные семьи – явление не новое. Также как и сводные семьи. Моя прабабушка, вдова с шестью детьми вышла замуж за вдовца с четырьмя детьми; таким образом, у моего деда появились сводные братья и сестры. Моя мать была воспитана мачехой и выросла с детьми из второй семьи своего отца. Перемешано, как и много современных семей.

Один из прадедов совершил самоубийство. Как теперь любят говорить про «скелеты в семейных шкафах» (скрытые от других семей-

ные проблемы или неприглядные секреты). Даже в «хороших» семьях существует много проблем и забот. Они тоже могут чувствовать себя беспомощными.

Еще одна прапрабабушка, вдова с шестью детьми, вышла замуж за мужчину вдвое себя моложе. Вопрос – почему? Может, она была в первых рядах феминисток, или влюбчивой леди, или же – во дни использования лошадиной силы и ручной вязки пшеничных снопов – ей, возможно, была нужна физическая помощь на семейной ферме?

Мои родители были беженцами, спасающимися от государства, которое угрожало им за их верования и ценности, которое отобрало у них землю и традиционный способ заработка на жизнь. Какое влияние на нас оказал статус беженца? Моя подруга Элис Бауманн, живущая на территории Меннонитской семинарии в Елкхарте, штат Индиана в США, считает, что меннониты так и не смирились со своим прошлым, полным переселений и передвижений; что это прошлое до сих пор их угнетает. Основываясь на опыте людей в своем исследовании, я бы согласилась с тем, что историческая травма накладывает отпечаток на взгляды людей на политику. Этот опыт привел к созданию ряда меннонитских проектов поддержки угнетенных и депортированных. По какой иной причине мой младший брат Герман решил бы поехать в Парагвай волонтером помогать в строительстве автодороги?

В нашем роду профессии постоянно менялись или плавно перетекали из одной в другую. По моей родословной линии преобладали фермерство и преподавание. Ко времени выезда моих родителей из Советского Союза, многие родственники имели передовое образование. В 1903 г. одна из тетушек отправилась в Лондон изучать английский, который ей бы пригодился для выполнения миссии медсестры в Индии. В Лондоне она влюбилась и так и не поехала в Индию. В Канаде мои родственники из аграриев превратились в горожан, которые все еще не разучились готовить борщ и вареники.

Меннонитские церкви также имели различия и раскололись на различные деноминации. В 1880 г. мои дедушка и бабушка по линии Конрад вышли из основной меннонитской группы и присоединились к отколовшейся группе «Меннонитские братья». Другие присоединились к российским Баптистам или к группе «Альянс». Один из моих дедов был миссионером без сана среди башкиров. Многие религиозные группы продолжали деятельность в Канаде, при этом некоторые из них присоединились к «общинным» церквям, избегая слово «меннонит». Иные же стали абсолютно светскими людьми. По мере зна-

комства с новыми людьми, среди которых есть некоторые, отрицающие военную службу из религиозных убеждений; иные, ставшие миллионерами в области строительства квартирных домов в Канаде, мне стало казаться, что эта история постоянно иммигрирующих семей, приспособляющихся к новым реалиям, становится социологическим исследованием. А те семьи, которые не переехали жить в Канаду, разве им не довелось тоже переезжать и меняться, постоянно приспособляясь к жестким реалиям жизни в СССР? Что нужно для написания истории семьи?

Короткий ответ звучит так: неторопливая работа и хорошее кресло. Компьютер не повредит. Большие книжные полки и большой шкаф для хранения документов. Эксперт по генеалогии, любящий разбирать повторяющиеся имена, может очень пригодиться. Если ваши дети уже выросли и живут отдельно, тогда у вас появляется офис для работы.

Повествование в форме романа позволило бы писать более свободно, но я хотела задокументировать все с исторической точки зрения. Я хотела, чтобы были ссылки на источники, чтобы факты были точно отображены, и использованные источники были оригинальными и надежными.

Любая писательская работа требует больших усилий. Мне понадобилось около дюжины лет, чтобы сказать: «Все. Нужно остановиться, иначе я сойду с ума, пытаюсь отыскать новые толкования».

При написании «Молчаливой красоты» я использовала записи и журналы, созданные на протяжении более двенадцати лет, пока мои родители были еще живы; и я бы настоятельно советовала тем, кто собирается писать сагу о своей семье, начинать записи уже теперь, не ждать пока ваши родители или дедушка с бабушкой окончательно не состарятся или отойдут. Конечно же я провела собеседования со своими сестрами и братьями. Мне повезло, что моя старшая сестра имела привычку вести дневник. Я брала интервью у многих родственников. Картонная коробка с фотографиями, принадлежавшая моим родителям, и их альбомы с фотокарточками тожегодились. Я со своим братом Германом настойчиво добивалась, чтобы семейные фотографии находились в одном архиве, а не раздавались по частям всем сестрам и братьям. У нас с Харви была привычка записывать имя или короткую аннотацию на задней стороне фотографий из России. Особенно во время посещений наших довольно престарелых родителей, мы слышали от них много интересных рассказов после того, как мы им показывали эти альбомы и коробку с фотографиями.

У меня были письма, полученные родителями из Канады, СССР и других мест; некоторые были датированы 1930-ми гг. Мой отец оставил после себя учетные книги и короткую автобиографию. Моя мать – дневники, 26-страничную автобиографию и свою детскую книжку для автографов. Можно собрать много информации (обычно подчищенной) в напечатанных некрологах. Просматривая рубрику «Вести из Уфы» в газете *Friedenstimme* от 1909 г., я случайно обнаружила, что бабушка моей мамы умерла в Пасхальный день вскоре после участия в службе на Страстную пятницу в Меннонитской церкви в Каранбаше, расположенном в Уфимском районе. Я тщетно пыталась найти в газете заметку о смерти через самоубийство своего прадеда, но и тот случайный факт был содержательным.

Что касается контекстной и фоновой информации, то существует большой фонд материалов в информационных базах этих общин. В Северной Америке есть огромное количество меннонитских газет, журналов, профессиональных изданий и статей. Письма и сообщения о жизни общин можно найти, в основном, в периодике на немецком языке. В начале 1930-х гг. меннониты из СССР писали письма своим родственникам в Канаде, которые позволили опубликовать эти письма. Священнослужитель-меннонит, собиравший истории переживших Вторую мировую войну, составил 2 тома с описанием, главным образом, историй проповедников, которые погибли вследствие политики Сталина. В 1980-х гг. в печатных изданиях меннонитов стали появляться изложения тех, кто иммигрировал в Германию из СССР. К тому же существует много мемуаров, автобиографий, биографических историй, карт и исторических очерков, написанных авторами-меннонитами.

Я также исследовала исторические труды, статьи и книги, написанные специалистами по российской и советской истории, а также, в частности, в области истории советско-германских отношений. Много книг американских, канадских, британских, немецких и израильских писателей написаны на английском и немецком языках, которыми я владею. Что касается российских источников, мне повезло, что в моем доме есть историк по российской тематике – мой муж. К счастью, я затронула ту часть истории, которая входит в круг интересов Харви; к нему я могла обращаться за помощью с переводом и за историческими справками. Он сопровождал меня во время поездки к тем местам, где жили мои предки – в Крым, в Запорожье и Молочную в юго-восточной Украине, а также в Караганду и Ташкент, в Уфу в Приуралье, в шахтерский край Шахты, в Москву и дальше по железной доро-

ге в Омск, Славгород и Кулунду. Был и Новосибирск и Томск, а также Польша, Бразилия и Парагвай. Мы нашли родственников, иммигрировавших в Германию.

Самым нелегким в написании книги был отбор и редакция материалов для книги. Сколько фотографий можно включить в книгу? Что оставить и что убрать? Как реагировать на определенные ожидания от книги со стороны членов семьи? Они хотят, чтобы в выгодном свете были описаны как они, так и наши предки. Не обидь никого, предупредила моя мать. Пиши правдиво, советовал мой отец. Я старалась придерживаться обоих советов, но все равно одна из двоюродных сестер нашла повод обидеться. Ей не удалось вовремя проверить свои генеалогические данные, и я ее возраст указала на два года старше, чем на самом деле.

И, безусловно, нужно, чтобы ваша семья поддерживала вас и смирилась с вашей заикленностью над этой работой. Если они охотно читают ваш черновик и предлагают новые идеи, это можно только приветствовать. Если внуки просят вас стать наглядным пособием на их «уроке про первых поселенцев» в 3-м классе, это тоже не страшно. Тогда точно знаешь, что они просмотрели фотографии своих предков. Если племянница пишет вам, что она теперь лучше понимает своих дедушку и бабушку, это уже награда. И если историки, не являющиеся меннонитами, после прочтения вашей книги, говорят, что вы достигли цели, что она отражает общественные изменения за пределами одной семьи. И что она ярко изображает устойчивость данной этнической и религиозной общины. Тогда становится ясно, что все это стоило затраченных усилий.

Примечание

¹ Findlay, T. Stone Orchard / Timothy Findlay // Radio broadcast Inside Memory. – 1970. – November 11.

Надійшла до редколегії 28.09.2007